

Он знал, что с «детским» лицом люди стареют медленнее, но у мэтра лицо вовсе не было детским — черты четкие, выразительные, очень статные. Неужели это сила знаний? Хотя постой, если мэтру в этом году всего сорок восемь, во сколько же лет он начал писать? В то время ведь не было компьютеров, а если писать от руки гигантский труд на миллион слов, на это ушло бы минимум года три-четыре! Неужели он взялся за перо еще подростком? Ничего себе мэтр, слов нет!

Ся Дунли немного ошеломленно проводил гостя на парковку — разумеется, на этот раз для четырехколесных машин. Чтобы достойно встретить кумира, Ся Дунли спозаранку отправился мыть авто!

Теперь их внедорожник выглядел настоящим щеголем среди серых и пыльных машин на стоянке — самым ярким красавцем во всем ряду.

Ах да, не менее ярким был и его парень, поджидавший его у машины.

— Сяо Вань! — Ся Дунли расплылся перед возлюбленным в блаженной улыбке, чувствуя, что буквально тонет в пузырях счастья. Еще бы, ведь сам У Цзесинь шагнул сейчас прямо рядом с ним! А-а-а-а!

— Великий мастер, это мой друг Сюнь Вань. Сяо Вань, а это У Цзесинь, супер-звезда из нашего Союза писателей, автор «Династии XX» и «Императора XX». Он погостит у нас несколько дней.

Ся Дунли представил их друг другу, а когда они обменялись рукопожатием, с превеликим энтузиазмом уложил небольшой чемоданчик Суаньни на заднее сиденье и даже помог ему пристегнуться — сервис был поистине безупречным.

Суаньни перевел взгляд с брата, никак не проявившего эмоций, на счастливо выезжающего задним ходом Ся Дунли, и с живым интересом вскинул бровь.

Всю дорогу от железнодорожного вокзала до деревни Сяоцзинь Ся Дунли не давал беседе угаснуть ни на миг. Еще до приезда великого мэтра он тщательно подготовился, рассказывая то о живописных пейзажах, то об древних легендах и мифах — ну просто гид высшего класса!

Суаньни слушал в два уха: с одной стороны, вполне серьезно поддерживал разговор со своей невесткой, а с другой — украдкой наблюдал за Сюнь Ванем.

Оба сбежали из дома, но если сам он применил трюк «листка, затерянного в лесу», то его братец воспользовался коронным приемом — искусством изменения лица.

Ц-ц-ц... Лицо получилось поистине непревзойденным: черты вроде бы приятные, но из-за едва заметного разлада между ними вид выходил самый посредственный. С такой внешностью пойдешь куда угодно — никто и глазом не поведет, а в памяти и зацепиться не за что. Настоящий шедевр маскировки «великого мудреца, скрывающегося в шумном городе».

Суаньни был на девяносто процентов уверен: покажись его брат рядом с кем-то другим, внимание первым делом обратят на кого угодно, но только не на него.

Хм? Вы спросите, как Суаньни его узнал? Ха, так он же лично присутствовал, когда брат вылеплял себе новое лицо!

Их было девять братьев, и большинство в традиционном смысле являлись сиднями-домоседами: дай им занятие по душе, и они годами не сдвинутся с места. Лишь третий брат выбивался из

общего ряда — тот обожал странствовать по миру смертных, посещать знаменитые горы и великие реки, поднимаясь до девяти небес и спускаясь в глубочайшие пучины. Кажется, не осталось мест, где бы он не побывал.

Не хвастовства ради, но все девятеро братьев отличались выдающейся внешностью. И третьему брату, так часто бродившему среди людей, естественным образом не удавалось избежать любовных невзгод. Перестрадав свое, братец перепробовал кучу способов и после нескольких попыток в конце концов сотворил вот это лицо.

А откуда Суаньни это знал? Кхм, брату для жизни среди смертных требовались документы, и именно Суаньни взял на себя их изготовление! У него ведь в этом деле было неоспоримое преимущество.

Именно так: он являлся настоящим специалистом по фальшивым документам, способным состряпать бумагу с такой точностью, что даже сам чиновник, выдавший оригинал, не отличил бы подделку.

В древности не существовало фотографии, и при составлении бумаг требовалось подробно описывать внешность человека. Так что если кто и знал обо всех масках и личинах братьев больше всех, то это, без сомнения, Суаньни. И он не просто знал, а аккуратно всё заносил в свои записи.

И вот, пожалуйста, пригодилось!

Более того, Суаньни видел не только это обличье: даже имя «Сюнь Вань» казалось ему знакомым. Суаньни решил, вернувшись, пролистать свои записи и посмотреть, что произошло с братом, когда тот пользовался этим именем в прошлый раз — да так, что даже потеряв память, он снова выбрал его.

Именно так: хватило лишь одного беглого взгляда, чтобы Суаньни точно понял — его брат действительно потерял память.

Вот это уже становилось крайне любопытно. Его брат был третьим по старшинству и по силе занимал одни из первых рядов в их семье. Заставить божественного зверя лишиться памяти... Такое не под силу даже их старому отцу.

Тут либо приложили руку те, кто на небесах, либо... он сам.

Тех, на небесах, не было слышно уже много лет, так что вероятность их вмешательства мала. Значит, возникает вопрос: что же такое случилось с его братом, что он довел себя до беспамятства?

Любопытство разгоралось с небывалой силой.

Суаньни казалось, будто его любопытство похоже на пузырьки закипающей воды — они со сдавленным бульканьем поднимались на поверхность, и не было этому конца.

Он покосился на молодого человека за рулем. Парень выглядел светлым, чистым, аура вокруг него была свежей и мягкой, да и сам он казался добрым...

Э-э? Да ну, не может быть?

Суаньни прищурился, уставившись на Сюнь Ваня со смесью изумления и недоверия. «Братец,

хоть у нас в роду способы завоевывать женушек у всех довольно бесстыдные, но ты же не мог специально лишить себя памяти, чтобы вызвать жалость?! Я же тебя презирать стану!»

То ли взгляд его оказался слишком пристальным, то ли у Сюнь Ваня было обостренное чутье, но едва Суаньни засмотрелся на него, как Сюнь Вань резко повернул голову. На губах его играла улыбка, но во взгляде читалось... э-э? Предупреждение?

Подхватив рассуждения Ся Дунли о горе Байюнь, Сюнь Вань продолжил:

— На горе Байюнь и впрямь красивые виды. Если У Цзесинь не против пройти пешком, мы могли бы подняться в горы.

«...Рассказываешь про пейзажи — так и рассказывай, к чему делать упор на "если не против пройти пешком"?»

Суаньни никак не мог взять в толк ход мыслей своего брата.

После еще пары любезностей перед ними показался кирпичный домик.

Ся Дунли ловко припарковался, открыл дверцу и помог Суаньни достать чемодан. Он уже собирался показать гостю свой дворик, как вдруг в небе полоснула молния, а секундой позже прогрохотал тяжелый раскат грома.

— Опять дождь собирается? Только что ведь солнце светило! — Ся Дунли поставил чемодан на землю и с недоумением посмотрел на небо. Самым странным было то, что грозовая туча повисла ровно над их головами, а ниже по склону холма всё еще простиралась ясная лазурь.

Он со вздохом обратился к Суаньни:

— Ничего не поделаешь, в горах погода меняется мгновенно. У Цзесинь, идите быстрее, а то сейчас хлынет. И смотрите под ноги!

Суаньни отозвался и только собирался сделать шаг вперед, как вдруг почувствовал странную слабость в ногах.

Что за дела? Откуда это дурное предчувствие?

Решив довериться инстинктам, Суаньни остановился и молча отступил на шаг назад. И ровно в этот миг калитка кирпичного домика распахнулась.

Черно-белая пятнистая и белая длинношерстная собаки одна за другой выскочили во двор, толкнув калитку, и уселись у входа с гордо поднятыми головами.

Однако взгляд Суаньни зацепился вовсе не за них. Он невольно перевел взор внутрь настежь открытого двора кирпичного домика и увидел там среднего возраста мужчину, который с вальяжной властью восседал на садовой скамейке.

Суаньни: «Твою ж мать?!»

От автора:

Суаньни: «Так значит, любовь действительно остывает, да?!!!»

Узнав, кем является отец его парня, Ся Дунли потратил немало сил, разыскивая информацию

об Инлуне во всех возможных источниках.

Однако когда он открыл статью в Байду и бросил на нее первый же взгляд, ему показалось, что он сейчас ослепнет. На странице черным по белому было написано: «Пол: женский».

Помимо свирепых боевых заслуг, статус «супруги Небесного Императора» тоже изрядно слепил глаза.

Ся Дунли так и не понял, почему у столь могущественного существа в человеческих легендах сменился пол, но, как бы там ни было, сведение о том, что Инлун подряд сразил Чию и Куафу, явно не могло быть выдумкой.

Впрочем, дядя Гэн, поселившийся в его доме, вел себя чересчур смирно и тишайше — настолько, что Ся Дунли едва не забыл, что имеет дело со спустившимся на землю божеством. К счастью, ровно в тот момент, когда он уже готов был принять его за обычного одинокого старика, прямо к их порогу пожаловал сам великий бог Суаньни.

Пережив бурю с громом, молниями и порывистым ветром, еще недавно блиставший великолепный Суаньни теперь лежал на земле — беспомощный, обессиленный, в мятой одежде. Он мог лишь воочию наблюдать, как его старый отец силой взламывал сокровищницу, которую тот так берег, и подвергал ее поистине жестокому грабежу, лишенному всякой драконьей совести.

За что?! Почему всё так оборачивается?!

Светлая слезинка скатилась из уголка глаз юноши. На переносице съехав набок висела разбитая оправа от солнцезащитных очков, а в глазах застыла полнейшая, познавшая всю брэнность бытия беспросветность.

Он ведь приехал посмеяться над братом! Почему в итоге смеются над ним?!

Почему брат не предупредил его, что старый отец здесь?! Куда делась братская любовь? Ее что, сожрало время?!

<http://bllate.org/book/18144/1757875>